

«РУКОВОДЯЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ БРЕЖНЕВСКОЙ ЭПОХИ

Савина Татьяна Вячеславовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20

SPIN-code (RSCI): 3508-1475

AuthorID (RSCI): 498656

tsavina2005@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются причины кризисного состояния современной истории русской литературы, одной из основных причин которого является кризис русского языка в целом и кризис научного языка в частности. Идеологическое давление, которое испытывало литературоведение советского периода как наука об истории литературы, оказывало влияние не только на темы и интерпретации развития литературного процесса. Оно породило и специфический язык, «зараженный советскими смыслами». Анализ языка литературоведческих текстов брежневской эпохи 1960–1970 гг. позволяет сделать вывод о том, что изучение истории русской литературы основывалось на двух концептах: «борьба» и «заблуждение», что позволяло советским литературоведам описывать литературный процесс в рамках советской идеологии. Естественный процесс демократизации художественного творчества в XIX в. стал возводиться советским литературоведением в главный закон развития литературы. Провозглашение революционной «борьбы» и «заблуждений» основными двигателями развития литературы привело к тому, что советское литературоведение отличала крайняя степень пафоса, что особенно заметно на примере исследований творчества писателей-публицистов XIX в. Характерным примером служат работы советских литературоведов, посвященные М.Е. Салтыкову-Щедрину. С одной стороны, гражданский накал творчества помог Салтыкову-Щедрину пройти идеологический отбор советского официального литературоведения. В то же время оно прошло мимо главной особенности сатиры Щедрина: окаменение официального языка любой идеологии дает широкие возможности для игры на изменении смысла официальной формулы, что приводит к ее разрушению изнутри. Конъюнктурный набор тем исследо-

вания не позволял отклоняться от генеральной линии трактовки или расширять проблематику, что заранее предопределяло полученные результаты. Делается вывод о том, что от предшествующей советской эпохи российское литературоведение унаследовало язык, на котором пишут по сию пору. Даже лишенный внешнего идеологического давления советский язык продолжает функционировать, упрямо транслируя приобретенные идеологические смыслы.

Ключевые слова: советское литературоведение, концепт, идеология, советский язык, брежневская эпоха, языковые клише, кризис гуманитарных наук.

Библиографическое описание для цитирования:

Савина Т.В. «Руководящие замечания»: о некоторых особенностях советского литературоведения брежневской эпохи // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 2. – С. 199–215. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-199-215.

В общем, Булгарин не травил Пушкина.
Он только давал ему руководящие замечания.

Виктор Шкловский [20, с. 331]

Российская история литературы уже несколько десятков лет находится в состоянии несомненного кризиса. Об этом свидетельствуют не только научные публикации профессиональных теоретиков литературы, но и общее снижение «литературоцентричности» современного общества: литература всё больше теряет свое влияние на общественное сознание, уступая место синоминутной публицистике. Не последнюю роль в этом играет затяжной кризис преподавания литературы в школе. Крайняя схематичность трактовок и оторванность содержания от живых интересов современности отвращает школьника не только от чтения произведений классиков, но и от чтения вообще: идеологические шаблоны и готовые интерпретации мало способствуют пробуждению и воспитанию самостоятельного гуманитарного мышления. А отсутствие нового, нешаблонного подхода к интерпретации истории литературы говорит о кризисе методологии: современное историческое литературоведение не способно перестать раздавать оценки с точки зрения идейного содержания, чем оно по большей части занималось в течение всего периода «развитого социализма». Нынешние качания литературоведов от религиозно-философских до вульгарно-социологических интерпретаций в том или ином виде являются ответом на идеологическую несвободу 1960–1970-х гг., когда литературоведение как таковое достигло своего пика и фактически перестало развиваться.

Одним из самых главных факторов, влияющих на современное состояние истории литературы, является кризис русского языка в целом и кризис

научного языка в частности. Идеологическое давление, которое испытывало литературоведение советского периода как наука об истории литературы, не только оказывало влияние на темы и интерпретации развития литературного процесса, но и породило специфический язык, «зараженный советскими смыслами»¹.

Наиболее «инфицированной» в этом смысле оказалась история литературы XIX в., когда естественный и неизбежный процесс демократизации художественного творчества стал возводиться советским литературоведением в главный закон развития литературы. При этом демократизация русской литературы прямолинейно интерпретировалась как идейные предпосылки революции.

Можно говорить о том, что к 1970-м гг. язык советского официально-литературоведения представлял собой специфическую модель русского языка в области профессиональной коммуникации (в данном случае – академического литературоведения), подвергнутого идеологическому влиянию и несущего на себе все признаки этого влияния.

«Подстилочные фразы»

Когда в 1996 г. был издан курс лекций В.М. Жирмунского «Введение в литературоведение», читавшийся в 1940–1950-е гг. на западном отделении филологического факультета ЛГУ, редактора практически не понадобилась. З.И. Плавский, готовивший стенограмму лекций к изданию, писал: «Текст лекций воспроизводится нами без сколько-нибудь существенных поправок. Сокращению подверглись лишь некоторые повторения [...] да один из разделов, на котором слишком явственно лежит печать того времени» [7, с. 7].

Печать времени заключалась в том, что советские литературоведы, работавшие в жестких идеологических рамках, были вынуждены снабжать свои тексты знаками политической лояльности: ссылками на труды классиков марксизма-ленинизма и материалами партийных съездов и пленумов. Если при зарождении советского литературоведения в 1920-е гг. в горячих литературоведческих дискуссиях целенаправленно ссылались в качестве аргументов на постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) или на программную

¹ В одном из интервью Б.М. Гаспаров говорил: «Трудно сказать “сегодня язык особенно важен”, потому что он особенно важен всегда. И тем не менее в моменты перелома, когда мы все можем наблюдать сдвиги общественные, экономические – которые лежат на поверхности, – необыкновенно интересно проследить и за жизнью языка. В какой степени и как происходят сдвиги в языке? Самые невинные слова – те, что мы употребляем в повседневной речи, были заражены советскими смыслами. Как они от этих смыслов избавляются, избавляются ли, и как этот процесс идет – всё это явления колоссальной важности, от которых очень многое зависит в жизни» [16].

статью в «Правде» «Попутчик пролетариата» (1929), то со временем подобные ссылки потеряли функцию аргумента и превратились в ритуальные зачины. Если в 1930-е гг. литературоведческие концепции приобретали вес с помощью цитат из статей В.И. Ленина, то к 1960-м гг. из оружия идеологической борьбы такие цитаты превратились в расхожие аксиомы. В одних текстах «подстилочные фразы», как их назвал А.П. Скафтымов, стали автономными синтаксически и семантически, легко менялись местами, их изъятие никак не влияло на общую концепцию, как это и произошло при издании курса лекций В.М. Жирмунского или, например, при переиздании трудов М.М. Бахтина². В других текстах такие ссылки становились органической частью исследования, выполняя функцию не только знака лояльности, но и концептуальной базы трактовки литературного явления. В этом случае при смене идеологического дискурса текст целиком утрачивал литературоведческую и научную ценность.

Демонстрация лояльности в виде ссылок на основоположников марксизма-ленинизма была только вершиной айсберга, причем самой незначительной с точки зрения идеологической концептуальности литературоведческого исследования. Истинные признаки лояльности обнаруживались гораздо глубже, и та граница, которая отделяла литературоведение как идеологически контролируемую гуманитарную дисциплину от филологии как науки [6, с. 109], определялась тем, каким языком писалось исследование.

«И вся-то наша жизнь есть борьба»

К 1970-м гг. советское официальное литературоведение выработало свою систему идеологических клише, тем самым завершив процесс оформления понятийно-категориального аппарата истории литературы и подвергнув серьезной трансформации некоторые ключевые понятия, такие как тема произведения и его идея, а также общие законы развития литературного процесса. Идеология требовала от академической науки точной атрибуции принадлежности писателя к определенному литературному течению и соответствующей интерпретации «эмоционально-идейного осмысления социальных характеристик жизни» [3, с. 44].

Как функциональный стиль, научная речь литературоведческих исследований 1960–1970-х гг. в целом подчинялась законам жанра и соответствовала целям научного сообщения: предъявить сведения и факты и выявить их причинно-следственные связи. Однако на всех уровнях языка –

² Наглядный пример – учебник 1976 г. по истории древнерусской и средневековой русской литературы под редакцией Д.С. Лихачева, где список рекомендованной литературы открывает сборник трудов Маркса и Энгельса «Об искусстве», а вторым пунктом идет сборник статей Ленина «О литературе и искусстве».

морфологическом, лексическом, синтаксическом – литературоведческие тексты демонстрировали нарушение основного закона научного стиля – объективность и отвлеченность, которые разрушались идеологической ангажированностью.

Понятийная система советской истории литературы строилась на двух центральных концептах: «*борьбе*» и «*заблуждениях*», причем значительно увеличивая семантический объем этих двух слов, закрепив в них идеологические смыслы. Парными концептами «*бороться*» – «*заблуждаться*» можно было описать творчество практически любого писателя XIX в. В полном соответствии с идеями марксизма развитие литературного процесса советскими историками литературы рассматривалось как «*борьба*» с актуализацией значения «столкновение, противоборство», отражающего основные вехи общественно-политической жизни, а отнюдь не эволюцию идей и мировоззрений.

Расширение семантического объема слова «*борьба*» характеризовалось изменением в иерархии его значений, появлением новых смыслов, находившихся ранее на периферии семантического поля. Разные по смыслу слова в заданном контексте становились синонимами, что напрямую зависело от текущей идеологической оценки творчества того или иного писателя. Градация значений в смысловой структуре слова «*борьба*» зависела от того, насколько активной и определенной была позиция писателя по отношению к идее коренного переустройства общественного порядка революционными методами. В семантическом поле слова «*борьба*» появились следующие смыслы:

1. «*Борьба*» как творческий процесс с семантикой «*давление*», «*противостояние*», «*бунтарство*» имела только положительные коннотации и применялась, например, для характеристики творчества революционных демократов 1856–1881 гг. (Чернышевский, Добролюбов, Герцен): «Наследие классиков того времени стало [...] *давлением* на антинародный правопорядок капитализирующейся, полукрепостнической России» [9, с. 5], они «остро и воинственно *осознавали* свою *противоположность* [...] дворянской литературе» [Там же, с. 52]. Кроме того, в основе анализа философских или эстетических основ художественного творчества лежала ярко выраженная оценочность, воплотившаяся в универсальной и практически непобедимой формуле «*правильно понимал*».

2. «*Борьба*» как итог творчества выражалась значением «*заклеймить*». Хотя в основном оно использовалось для описания наследия писателей-публицистов, но было универсальным определением для любого произведения с осязаемыми гражданскими мотивами. Публицистические начала творчества по определению свидетельствуют об идеологизации содержания, но при этом тенденциозная интерпретация позволяла значительно

повысить градус противостояния, выстраивая синонимический ряд: «относиться отрицательно» – «осуждать» – «критиковать» – «бороться» – «клеить». Экспрессивность глагола «клеить» часто повышалась употреблением наречия «гневно», что придавало литературоведческому анализу чисто митинговый пафос: «Лермонтов заклеил пошлость существования императорского Петербурга» [5], или, например, Державин «клеил недостойных властителей» [9, с. 416].

В мировоззренческом плане между отрицательным отношением к явлению и страстной борьбой с ним лежит огромная пропасть, однако выстроенный советскими литературоведами синонимический ряд позволял впрячь в «одну телегу коня и трепетную лань». Идеей революционного преобразования общества цементировался весь литературный процесс от писателей-декабристов до Горького: «И литература XIX века, и новейшая литература помогали понять, что именно содействовало назреванию взрыва народного гнева и каково общее состояние современной русской действительности» [10, с. 751].

3. «Борьба» – «искания», «стремление понять / противопоставить» обычно относилась к умеренно-либеральным писателям и литературным критикам, представителям народнической и «дворянской» литературы, писателям-декабристам, а также к тем, чье творчество не укладывалось в предложенную схему. Типичный пример – Достоевский: «Художественный мир Достоевского, так же как и его творец, – “весь борьба”. Это мир мысли и напряженных исканий» [9, с. 699]. Семантика непрямого участия в *борьбе*, только обозначенного намерения оставляла широкое поле для концептуальных спекуляций: «исканиями» (особенно «нравственными исканиями») можно было объяснить или оправдать любые отклонения в мировоззрении писателя от «генеральной линии». Так, например, формуле Достоевского о «всесветном единении во имя Христова» ставится диагноз – «утопические идеалы» и «софистика», а на первый план выводится «истинный, стихийный демократизм» писателя и готовность «защитить нравственное достоинство» всех униженных и оскорбленных [Там же, с. 751].

4. «Борьба» – «полемика» применялась к практически любой литературной дискуссии. Естественный процесс развития эстетической мысли, который совершенно не обязательно сопровождается неприменной отменой предшествующих концепций или их противостоянием, в советском литературоведении обозначался как «литературная борьба»: между классицизмом и романтизмом, романтизмом и реализмом, реализмом и декадентством и т. д., при полном отсутствии семантики «преемственности», «поступательного развития». Повышенная идеологичность русской литературы 1860-х гг., когда употребление термина в синхронном аспекте было оправданным, дала возможность экстраполировать это понятие на весь процесс

движения эстетической мысли. Значение противостояния, которое является ядерным, подчеркивается устойчивым глагольным сочетанием «*встyxнула / разгорелась полемика*», а также определениями «*ожесточенная / резкая / горячая*». Для существительных, обозначающих участников полемики, характерна градация номинаций с повышением негативного значения: «*оппоненты*» – «*противники*» – «*враги*»: «Признание врагами гоголевского направления его единства и целостности в качестве “школы” тоже было ценно для Белинского» [8, с. 609].

Одной из целей полемики зачастую было стремление «*отграничить*», «*размежевать*» явления одного порядка, которые в творчестве разных писателей получали противоположные интерпретации. Так, например, «нигилисты» Тургенева «резко отграничивались» от «нигилистов» Лескова и Писемского. «*Отграничение*» было универсальным понятием, с помощью которого выделялся нужный «кусочек» из многогранного и зачастую противоречивого творческого наследия писателей. Интересно, что слово «отмежевать / размежевать» к 1970-м гг. практически не употребляется в текстах по истории литературы в силу устойчивых и мощных коннотаций с политическими процессами 1930-х гг., а там, где оно используется, доминирует семантика «*борьбы*»: «Конец 1810-х – начало 1820-х – время размежевания позиций, резких критических споров...»

«Энергия заблуждения»

Другим не менее важным концептом советского исторического литературоведения было понятие «*заблуждение*». Известное выражение Льва Толстого «энергия заблуждения» Борис Эйхенбаум в 1930-е гг. интерпретировал как «энергичное преодоление заблуждения»: «Энергия Толстого – это энергия трагического упорства, энергия исторического одиночества, “энергия заблуждения”. Другой энергии история не могла и не хотела ему дать» [21]. Именно в преодолении заблуждения, по мысли Эйхенбаума, коренится движущая сила творчества в рамках ценностных установок отдельной эпохи [12].

Ядерное значение понятия «*заблуждение*» как «ложного мнения» неограниченно расширялось за счет эластичности контекстов и интерпретаций. Главной целью было запаковать все мировоззренческие противоречия в жесткую схему идеологического конформизма.

1. «*Заблуждения*» были свойственны даже самым «передовым» по мнению официального литературоведения писателям – революционным демократам, что считалось обусловленным ограниченностью общественно-исторической практики и знания. Такая трактовка помогала обойти острые углы при анализе, например, наследия поэтов-декабристов: «Как и другие декабристы, после поражения восстания Кюхельбекер начи-

нает обретать историческое мышление. Этому беспощадно учила его сама история» [8, с. 171], т. е. проповедь декабристами идеи введения конституционной монархии трактовалась как «заблуждение» с последующим прозрением. Или, например, «политическая ограниченность романтизма Жуковского» не помешала советским историкам литературы причислять поэта к борцам с «господствующей официальной державно-крепостнической идеологией» [Там же, с. 34–35].

2. «Заблуждение» как «неправильное понимание» или «недооценка» семантически расширяло возможности нивелировать кажущиеся противоречия в мировоззрения писателя: понимал и ценил, но понимал неправильно и ценил недостаточно: «Но, восхваляя Человека с большой буквы, Брюсов, изолированный от народного освободительного движения, [...] не видел героики в современной жизни, в борьбе народных масс родины» [10, с. 490]. Неявная семантика «ложного мнения» в понятии «заблуждение» в заданных контекстах позволяла избегать прямых фальсификаций, но при этом достаточно свободно менять угол зрения на всю систему идейного и эстетического развития писателя. Взаимодействие концептов происходило по законам квадранта, поделенного жесткой осью идеологической концептуальности: если писатель «боролся», то «правильно понимал»; если же «искал» или «стремился противопоставить», то мог «недооценивать», а иной раз и «заблуждаться».

Провозглашение революционной «борьбы» и «заблуждений» основными двигателями развития литературы не могло не привести к тому, что советское литературоведение отличал крайний пафос. Пафос как неотъемлемая характеристика официального литературоведения, в общем-то, противоречит самой сущности науки о законах литературного процесса, принципиально отвергающей эмоциональность: внутри научной системы термин стремится к однозначности и не должен выражать экспрессии. Пафосность литературоведческого исследования свидетельствует о его внешней ангажированности, поскольку любая идеологема по определению имеет эмоциональную маркированность. Градус воодушевления и апелляции к эмоциям становился особенно высок в исследованиях, где речь шла о тех писателях XIX в., в чьем творчестве было действительно сильно публицистическое начало.

«Архискверный писатель»

Наряду с универсальным использованием концептов «борьба» и «заблуждение», еще одной специфической особенностью советского литературоведения была склонность к тематическим спекуляциям, когда выбор тем исследования обуславливался политической конъюнктурой. Классическая литература XIX в. подходила для этого как нельзя лучше. Древнерусская и

средневековая литература были отделены временной дистанцией и еще не имели необходимого демократического характера. Кроме того, профессиональное изучение, например, «Слова о полку Игореве», требовало специальных и глубоких знаний (например, древнерусского и церковнославянского языков, житийной литературы, иностранных языков). Литература начала XX в. была опасной в своем многообразии идеологий. Яркое тому свидетельство – четырехтомная «История русской литературы» (1980–1983), где в первом томе уместились семь веков развития русской словесности, от XII до XVIII в., а остальные три посвящены XIX и первому десятилетию XX в.

Иосиф Бродский заметил в одном из интервью: «В советское время литературная жизнь проходила в сильной степени под знаком пушкинистики. Пушкинистика – единственная процветающая отрасль литературоведения» [4]. Канонизация Пушкина, начавшаяся в 1930-х гг., фокусировалась в основном на двух темах: *сказки Пушкина* и *Пушкин и декабристы*. Народная сказка, где абсолютные категории добра и зла практически не поддаются идеологизации, была тихой пристанью для многих литературоведов, в то время как «звезда пленительного счастья» трактовалась как предвидение социализма. «Пушкинисты», «пушкиноведа», «пушкинианцы», «пушкинофиль», «пушкинолюбы» – так и кажется, что перечисление Андрея Битова скрывает некую градацию качества литературоведческих исследований: «пушкинист» отличается от «пушкинианца», как «ленинизм» от «ленинианцы» [1].

Благодаря Ленину Лев Толстой навечно стал «зеркалом русской революции», а Максим Горький – «основоположником литературы социалистического реализма». Радищев был «первым революционером», нигилисты Тургенева также трактовались как «революционер». Даже «архискверному» в этом смысле Достоевскому повезло: крайне негативная оценка Лениным его творчества тем не менее не могла перевесить «суровую правду безжалостного мира эксплуатации и угнетения», например, в романе «Преступление и наказание» [15, с. 45], что и привлекало советских историков литературы. Таким образом, интерпретации произведений классической литературы от Радищева до Горького так или иначе встраивались в парадигму советской идеологии [14].

Что касается литературы начала XX в., то, например, поздний Владимир Маяковский как автор поэмы «Владимир Ильич Ленин», естественно, был официально признанным «революционным поэтом», в то время как официальное признание Бориса Пастернака в тридцатые годы, когда Н.И. Бухарин назвал его «лучшим поэтом Советского Союза», в семидесятые уже не имело веса: даже в период «оттепели» Пастернак не прошел идеологического отбора.

Тем не менее необходимо помнить, что именно в 1960–1970-е гг. возникла тартуско-московская семиотическая школа Ю.М. Лотмана, в научное пространство вернулся М.М. Бахтин, публиковались исследования П.В. Палиевского и С.Г. Бочарова. В советском литературоведении пробивалась живая мысль, а главное – живое слово. Однако в своем большинстве это были работы по теории литературы или работы на стыке литературоведения и лингвистики. Покинуть тесные пределы официального литературоведения удавалось единицам, да и то несвободным от исследовательского «умолчания». «Более или менее свободно [...] можно было изучать литераторов-декабристов, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, чем и занималось едва ли не большинство советских литературоведов» [17].

Пожалуй, более всех от советских историков литературы пострадал М.Е. Салтыков-Щедрин, навеки получивший звание «непревзойденного художника слова в области социально-политической сатиры» [9, с. 653].

**«Страшно, когда человек говорит и не знаешь,
зачем он говорит, что говорит и кончит ли когда-нибудь» [13]**

Ни литературоведение как таковое, ни тем более официальное советское литературоведение так и не справилось с феноменом Салтыкова-Щедрина в русской культуре. Советское литературоведение не ставило перед собой такой задачи, а более вдумчивый и не отягощенный идеологическими заказами исследователь тонул в действительно гневном и обличительном потоке публицистики Щедрина.

Именно сатирический и гражданский накал творчества помогли Салтыкову-Щедрину пройти идеологический отбор советского официального литературоведения. Щедрин всегда издавали без купюр (в отличие, например, от Гоголя с его «Выбранными местами из переписки с друзьями» или «Несвоевременных мыслей Горького»), о его творчестве писалось несметное количество научных статей и диссертаций. Излюбленной темой исследований было обличение Щедриным косности и дремучести российского общества, что вполне укладывалось в рамки идеологического заказа. В то же время советское литературоведение прошло, вернее – ему пришлось пройти мимо главной особенности сатиры Щедрина: окаменение официального языка любой идеологии дает широкие возможности для игры на изменении смысла официальной формулы, что приводит к ее разрушению изнутри. В противном случае официальное советское литературоведение было бы вынуждено высечь самое себя, как та унтер-офицерская вдова.

Возможность «игры с официозом» [2, с. 271], открытая Щедриным, стала основой особенного вида сатиры в русской литературе от Ильфа и Петрова и Зоценко до М. Жванецкого и М. Задорнова. Застывшие формулы

официоза неизбежно приобретают новые смыслы, направленные либо к осмеянию, либо к утрате смысла как такового и превращению к знаку лояльности.

Насилие над языком в рамках идеологических концептов сыграло с историками литературы злую шутку: разрушенные многократным тиражированием словесные формулы в конце концов превратились в необязательные к прочтению и стали даже не столько знаками лояльности, сколько свидетельствами неспособности породить новые концепции в заданных рамках официальной идеологии.

Характерный пример представляет собой глава из монографии М.И. Черемисиной «Россия сто лет назад в изображении М.Е. Салтыкова-Щедрина» (1960), посвященная системе образов в очерках «За рубежом» [19]. В полном соответствии с ритуалом текст начинается со ссылки на Энгельса, далее – на Ленина. Причем если прямые цитаты можно удалить из текста механическим путем, то растворенные на уровне лексики «знаки лояльности» являются уже концептуальными. Например: «Только зоркий глаз основоположников научного социализма смог увидеть в нем [пролетариате. – Т.С.] нарастающую грозную силу», но для Салтыкова-Щедрина «историческая роль пролетариата и его борьбы против буржуазии была не ясна» [19, с. 57]. В языковом плане текст ни на йоту не отклоняется от советского канона. Центральный концепт советского литературоведения, «*борьба*», использован в своем наиболее экспрессивном значении – «*клеимить*»: «Щедрин *клеимит* [...] политику оппортунизма» [Там же], «беспощадно *клеимя* [...] предательство интересов народа, Щедрин разоблачает» [Там же, с. 29], «*заклеимить* [...] как измену делу народа» [Там же, с. 32] (курсив везде наш. – Т.С.).

Невероятно высокий уровень пафоса придает тексту характер не научного исследования, а публицистического выступления. Характерный пример представляют собой выпады против современного зарубежного искусства: «Это предвидение Щедрина блестяще подтверждается в наши дни, когда содержанием буржуазной литературы стала именно порнография, проповедь человеконенавистничества, убийства и самых низменных инстинктов, когда искусство буржуазного мира, и в первую очередь Америки, дошло до полного маразма» [Там же, с. 53]. Автоматическое использование языковых шаблонов иногда доводит текст до курьеза: «В “мальчике без штанов” – русском крестьянине – Щедрин подчеркивает его бунтарство...» [Там же, с. 61].

Основной посыл исследования очерков «За рубежом», представляющего собой главу из кандидатской диссертации, защищенной М.И. Черемисиной в 1960 г., соответствует официальной трактовке творчества Салтыкова-Щедрина советским литературоведением. Однако необходимо напомнить, что Майя Ивановна Черемисина – действительно крупный со-

ветский ученый-лингвист, основатель научной школы по изучению и сохранению языков коренных народов Сибири. В 1969 г. М.И. Черемисина подписала «Письмо 46-ти» – обращение интеллигенции новосибирского Академгородка к властям в защиту московских диссидентов [11]. В то же примерно время, когда писалась монография о зарубежных впечатлениях Салтыкова-Щедрина, на страницах личного дневника она размышляет: «Перед кем мы привыкли гордиться тем, что мы русские? Перед теми, кто меньше нас, моложе, слабее. А отстаивать себя перед равными, научиться уважать другое, чужое, и заставить чужих уважать себя – тут у нас навыка мало. “Русские за границей” – это чаще смешно, чем серьезно» [18].

«Бестолковая и странная страна, – пишет далее М.И. Черемисина в дневнике. – Нация, страна и государство – очень разные вещи, разной природы. Просто государству, политической власти везде и всегда очень выгодно не замечать этой разницы и представлять себя как естественное, органическое и непреложное увенчание здания “национального организма”» [Там же]. Размышляя о лояльности, М.И. Черемисина задается вопросом, где проходит та граница, что отделяет разрешенную критику от неразрешенной: эту «линию [...] можно проводить на разных уровнях “шкалы власти”. Вот только не знаю: можно ли провести ее еще ниже, чем она проведена у нас?» [Там же].

Уход М.И. Черемисиной из литературоведения в область чисто лингвистических исследований неслучаен. По воспоминаниям ее внучки, «вскоре после защиты [...] она по приглашению С.М. Бонди оказалась в Москве на заседании литературоведов. Заседание было посвящено распределению русских писателей по категориям. Категорий было три – Народный, Национальный и Партийный. Пушкин был, конечно, единогласно признан Народным писателем. Лермонтов и Толстой тоже. Некрасов и Лесков – Национальными. Когда началась дискуссия о том, считать ли Чехова Национальным или Партийным, М.И. встала и покинула зал. В тот день она поняла [...], что литературоведом в таких условиях быть нельзя. И навсегда порвала с литературоведением». Несовпадение языка и идей личного дневникового пространства исследователя и языка его академической профессиональной деятельности свидетельствует о том, что некоторая часть советских литературоведов не хотела нести ответственность за выводы и интерпретации, продиктованные официальным дискурсом, по определению являющимся продуктом коллективного творчества.

Выводы

Специфический язык советского литературоведения предлагал четкий, политически выверенный шаблон исследования в рамках центральных концептов «борьба» и «заблуждение». Конъюнктурный набор

тем исследования не позволял отклоняться от генеральной линии трактовки или расширять проблематику, что заранее предопределяло полученные результаты. Порожденный советской идеологией язык влиял на литературоведов, лишая их продуктивной силы в интерпретации ключевых идей истории русской литературы. В итоге методологическая нищета затормозила развитие литературоведения на годы вперед. От предшествующей советской эпохи российское литературоведение унаследовало язык, на котором пишет по сию пору. Даже лишенный внешнего идеологического давления советский язык продолжает функционировать, упрямо транслируя приобретенные идеологические смыслы.

Литература

1. *Битов А.* Пушкинский том: сборник. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2014.
2. *Вайль П., Генис А.* Родная речь: уроки изящной словесности. – М.: АСТ, 2016. – 346 с.
3. Введение в литературоведение / под ред. Г.Н. Поспелова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1988. – 528 с.
4. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. – М.: Независимая газета, 1998. – 325 с.
5. *Гиллельсон М.* Лермонтов в оценке Герцена // Творчество М.Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814–1964. – М.: Наука, 1964. – С. 364–394.
6. *Есаулов П.А.* Русская классика: новое понимание. – СПб.: Алетейя, 2012. – 448 с.
7. *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение: курс лекций / под ред. З.И. Плавскиной, В.В. Жирмунской. – СПб.: СПбГУ, 1996. – 440 с.
8. История русской литературы. В 4 т. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. – Л.: Наука, 1981. – 655 с.
9. История русской литературы. В 4 т. Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – 876 с.
10. История русской литературы. В 4 т. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). – Л.: Наука, 1983. – 783 с.
11. *Кузнецов П.С.* Академгородок в 1968 году: «Дело 46-ти» в зеркале документов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 233–238.
12. *Марков А.В.* Энергия заблуждения: к интеллектуальной истории термина // Новый филологический вестник. – 2015. – № 4 (35). – С. 10–16.
13. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Господа Головлевы. – М.: Мир книги, 2006.
14. *Пономарев Е.Р.* Литература в советской школе как идеология повседневности // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 3. – С. 120–138.
15. Программы средней общеобразовательной школы. Литература: 4–10 классы. – М.: Просвещение, 1984.

16. Хохряков В. Феномен, бесконечно важный: к 70-летию профессора В.М. Марковича // Санкт-Петербургский университет. – 2007. – № 3 (3751). – URL: <http://old.journal.spbu.ru/2007/03/10.shtml> (дата обращения: 19.02.2020).
17. Хализев В.Е. Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма (1930–1980-е годы) // Памяти Анны Ивановны Журавлевой: сборник статей. – М., 2012. – С. 108–138.
18. Черемисина (Карпова) М.И. Дневник, 1969–1990 // Открытый архив СО РАН. – URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshhtml?id=Zc_2308&eid=Zc_0003_0555 (дата обращения: 19.02.2020).
19. Черемисина (Карпова) М.И. Рукопись «Россия сто лет назад в изображении М.Е. Салтыкова-Щедрина» // Открытый архив СО РАН. – URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_10733 (дата обращения: 19.02.2020).
20. Шкловский В. Гамбургский счет: статьи, воспоминания, эссе (1914–1933). – М.: Советский писатель, 1990. – 129 с.
21. Эйхенбаум Б.М. Творческие стимулы Л. Толстого // Эйхенбаум Б.М. О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 77–90.

Статья поступила в редакцию 10.10.2019.

Статья прошла рецензирование 21.11.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-199-215

“GUIDING REMARKS”: SOME FEATURES OF SOVIET LITERARY CRITICISM OF THE BREZHNEV ERA

Savina Tatyana,*Cand. of Sc. (Philology)**Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies**Novosibirsk State Technical University,**20 K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

SPIN-code (RSCI): 3508-1475

AuthorID (RSCI): 498656

tsavina2005@mail.ru

Abstract

The article analyzes the causes of the crisis of the modern history of Russian literature, the main reasons for which is the crisis of the Russian language in general and the crisis of the academic language in particular. The ideological pressure experienced by Soviet literary criticism as a science of the history of literature influenced not only topics and interpretations of the literary process, but also generated a specific language – a language “infected with Soviet meanings”. The analysis of the language of literary texts of the Brezhnev era of the 1960–1970s implies that the Soviet studies of the history of Russian literature were based on two concepts: “struggle” and “fallacy”. That allowed Soviet literary scholars to describe the literary process in the framework of Soviet ideology, when Soviet literary criticism considered the natural process of democratization of Russian literature in the 19th century as the main stream of revolutionary struggle. The proclamation of “struggle” and “fallacy” as the main engines for the development of literature led to extreme degree of pathos of Soviet literary criticism, which is especially noticeable in the example of studies of the work of 19th-century satirists. A typical example is the Soviet literary scholars’ research on M.E. Saltykov-Shchedrin. On the one hand, the satiric pathos of his works helped Saltykov-Shchedrin to go through the ideological selection of Soviet official literary studies. At the same time, Soviet literary criticism passed by the main feature of Shchedrin’s satire: clichés of the official language of any ideology gives many opportunities to play on changing the meaning of the official formula, which leads to its destruction from the inside. The limited set of research topics did not allow deviating from the “general line” of interpretation or broadening the range of problems, which predetermined the results of research in advance. As a result, Russian literary criticism inherited the language from the previous Soviet era, in which it still writes. Even out of external ideological pressure, the Soviet language continues to communicate acquired ideological meanings.

Keywords: Soviet literary criticism, concept, ideology, Soviet language, Brezhnev era, language clichés, Humanities in crisis.

Bibliographic description for citation:

Savina T. “Guiding Remarks”: Some Features of Soviet Literary Criticism of the Brezhnev Era. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 2, pp. 199–215. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.2-199-215.

References

1. Bitov A. *Pushkinskii tom* [Pushkin’s Book]. Moscow, Redaktsiya Eleny Shubinoi Publ., 2014. (In Russian).
2. Vail’ P., Genis A. *Rodnaya rech’: uroki izyashchnoi slovesnosti* [Native Speech. Lessons of Belles Lettres]. Moscow, AST Publ., 2016. 346 p.
3. Pospelov G.N., ed. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Criticism]. 3rd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 528 p.
4. Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Conversation with Joseph Brodsky]. Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 1998. 325 p.
5. Gille’son M. Lermontov v otsenke Gertsena [Gertsen about Lermontov]. *Tvorchestvo M.Yu. Lermontova: 150 let so dnya rozhdeniya, 1814–1964* [Mikhail Lermontov’s Works. 150-th Birth Anniversary. 1814–1964]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 364–394.
6. Esaulov I.A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classical Literature: New Interpretation]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2012. 448 p.
7. Zhirmunskii V.M. *Vvedenie v literaturovedenie: kurs lektsii* [Introduction to Literary Criticism. Lectures]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 1996. 440 p.
8. *Istoriya russkoi literatury*. V 4 t. T. 2. *Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu* [History of Russian Literature. In 4 vol. Vol. 2. From Sentimentalism to Romantism]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 655 p.
9. *Istoriya russkoi literatury*. V 4 t. T. 3. *Rastsvet realizma* [History of Russian Literature. In 4 vol. Vol. 3. The Rise of Realism]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 876 p.
10. *Istoriya russkoi literatury*. V 4 t. T. 4. *Literatura kontsa XIX – nachala XX veka (1881–1917)* [History of Russian Literature. In 4 vol. Vol. 4. Literature XIX – beginning of XX century (1881–1917)]. Leningrad, Nauka, 1983. 783 p.
11. Kuznetsov I.S. Akadempgorodok v 1968 godu: “Delo 46-ti” v zerkale dokumentov [Akademgorodok in 1968: the Fourty Six Case in the Mirror of Documents]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2007, vol. 6, no. 1, pp. 233–238.
12. Markov A.V. Energiya zabluzhdeniya: k intellektual’noi istorii termina [Energy of the Delusion: To the Intellectual History of the Term]. *Novyi filologicheskii vestnik = The New Philological Bulletin*, 2015, no. 4 (35), pp. 10–16.
13. Saltykov-Shchedrin M.E. *Gospoda Golovlevy* [The Golovlyov Family]. Moscow, Mir knigi Publ., 2006.
14. Ponomarev E.R. *Literatura v sovetskoj shkole kak ideologiya povsednevnosti* [Literature in the Soviet School as Everyday Ideology]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 120–138. (In Russian).
15. *Programmy srednei obsheobrazovatel’noi shkoly. Literatura: 4–10 klassy* [Secondary School Curriculum. Literature 4–10 grades]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984.

16. Khokhryakov V. Fenomen, beskonechno vazhnyi: k 70-letiyu professora V.M. Markovicha [Phenomenon Extremely Important. To the 70th anniversary of Professor Valery Ivanovich Marchenkov]. *Sankt-Peterburgskii universitet = Saint-Petersburg University*, 2007, no. 3 (3751). Available at: <http://old.journal.spbu.ru/2007/03/10.shtml> (accessed 19.02.2020).

17. Khalizev V.E. Otechestvennoe literaturovedenie v epokhu gospodstva marksizma-leninizma (1930 – 1980-e gody) [Russian Literary Criticism in the Marxism-Leninism Era]. *Pamyati Anny Ivanovny Zhuravlevoi* [In Memory of Anna Zhuravlyova]. Moscow, 2012, pp. 108–138.

18. Cheremisina (Karpova) M.I. Dnevnik, 1969–1990 [Diary, 1969–1990]. *Otkrytyi arkhiv SO RAN* [Open Archive of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences]. Available at: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Zc_2308&cid=Zc_0003_0555 (accessed 19.02.2020).

19. Cheremisina (Karpova) M.I. Cheremisina (Karpova) M.I. Rukopis' "Rossiya sto let nazad v izobrazhenii M.E. Saltykova-Shchedrina" [Manuscript "Russia a hundred years ago as Saltykov-Shchedrin depicts"]. *Otkrytyi arkhiv SO RAN* [Open Archive of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences]. Available at: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_10733 (accessed 19.02.2020).

20. Shklovskii V. *Gamburgskii schet: stat'i, vospominaniya, esse (1914–1933)* [The Hamburg Score, 1914–933]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 129 p.

21. Eikhenbaum B.M. Tvorcheskie stimuly L. Tolstogo [Creative Incentives of Leo Tolstoy]. Eikhenbaum B.M. *O proze* [About Prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, pp. 77–90.

The article was received on 10.10.2019.

The article was reviewed on 21.11.2019.